

К ВЫСТАВКАМ художников в театре и кино нам следовало бы относиться повнимательней. Ведь тут — разъяснение основ их сценических и кинематографических опытов. Тут — следы связей, которые цементируют их участие в коллективном процессе создания спектакля или фильма и повседневную, индивидуальную работу в мастерской. И даже если состав выставки решен в пользу станковой живописи и графики, она многое раскрывает в мировосприятии и особенностях творчества художника, работающего для сцены, для фильма.

Участники выставки, что состоялась в Москве, на Борогой, принадлежат к немалому числу художников, которых принято величать «мастерами среднего поколения». Однако работы Т. Сельвинской, Е. Акишина, В. Никитина характеризуются таким молодым, упрямым и подчас даже задорным поиском, что вроде бы и неловко вести речь о «мастерах», о творческой зрелости и тому подобным весьма солидных и положительных предметах.

Главное впечатление от выставки — динамический, враждебный застылости поиск. Динамика, дух непрерывного движения — определяющая черта живописи Акишина. Его пейзажи — не задумчивые идиллии, а полотно, пылающие жаркими, чуть грубоватыми, какими-то шумными красками. Не приглаженные, облагоустроенные ландшафты, а город — жилие людей, со своим ритмом, стремительным ходом повседневной жизни. Сами люди в беглых зарисовках редко находятся в состоянии покоя: быстрый перекур фабричного перерыва; на минутную летучку собравшийся комсомольский комитет дальней стройки; пишущий моле� художник, который словно собирается именно сейчас что-то изменить, начать заново, передумать.

Театральные работы Акиши-

ТРИ ДОРОГИ В ТВОРЧЕСТВО

на, с неизменным успехом экспонировавшиеся раньше, чуть поблекли близ его станковых произведений. Как бы целесообразны ни были предложения художника для пьесы «До свиданья, Анна», как бы декоративно ни решал он «Щедры вечер», как бы ни переосмысливалась им давняя традиция воплощения «Града Китежа», всем этим, для сцены — предназначенным замыслам словно не хватает той прочно утвержденной на почве житейских наблюдений реальной, радостной весомости, которой блещут пейзажные циклы.

Интересы В. Никитина, невзирая на достаточное количество натюрмортов, пейзажей, жанровых набросков, вывезенных преимущественно из зарубежных поездок, определяются далеко не только работой с натуры.

«Мир дому твоему» — мультфильм по сценарию Хикмета, фильм, образованный рядом новелл (справедливее назвать их притчами) о человеке, мире, войне. Никитину далось тут самое трудное — в его раскадровках не одни лишь ужасы сражений средних веков, восемнадцатого и двадцатого столетий, но бесконечный ряд воспевающих мир листов. Любой из них, как бы мал он ни был, своим ярким, агитационным выражением мысли, своей броскостью сочетаний алого и черного, чеканностью силуэтов подобен хорошему плакату. Мотивы, избираемые Никитиным, очень привычны: разбрасывающий зерна сеятель, ведущий свой красный трактор тракторист, рабочий близ подъемного крана. Но совокупность и сложное взаимодействие этих мотивов рождает замечательный в своей простоте и силе образ хикметовского человека.

Утверждение положительного

идеала — вот в чем убедительность этой работы, признанного верного понимания художником литературного первоисточника. Оттого, вероятно, и его графика, связанная с поэмой А. Твардовского «Теркин на том свете», выходит за пределы «просто иллюстрации».

Удачи Т. Сельвинской порой кажутся возникшими со счастливой легкостью, в порядке экспромта — как брызжущие выдумкой эскизы к Маяковскому («Баня» и «Клоп»), как панно «Жонглер», «Гимнастка», «Иллюзионист», как остроумно трансформируемые костюмы для инсценировки «Блуждающих звезд» Шолом-Алейхема. Порой удачи эти — результат нелегких и непростых размышлений, даже расчетов. Результат таких размышлений — макет к «Четвертому». Здесь сценические плоскости кулис и ширм преобразуются в некое подобие надгробной стелы и само возникновение симоновских персонажей приобретает оттенок торжественной и суровой таинственности.

Из всех участников показа Т. Сельвинская воспринималась как талант самый юный, едва-едва определившийся. Но поиски своего отнюдь не сродни метаниям. Скорее, дерзкое намерение «объять необъятное», попробовать свою кисть решительно во всех сферах — от театральных эскизов до серии портретов, до монументально-декоративных композиций.

В процессе раздумий пишутся портреты. Никто не позирует, печать сосредоточенного интеллекта на целой веренице лиц — юных и немолодых, наивных и скептических; Сельвинская пишет своих друзей, собеседников, современных людей, чей духовный мир так близок и интересен ей.

Итак, три художника — из тех, кого принято причислять к среднему поколению. Три дороги. У каждого — своя. У каждого — в современность.

Е. ЛУЦКАЯ.

Сел. Никитин, Акишин, 1982, 2 иллюстр.